

После пересечения границы Цзянбэй отряд прибыл на довольно просторную равнину. Фу Чэнцы приказал всем немного отдохнуть на месте. Всего в группе было двенадцать человек. Получив приказ, они организованно разошлись, каждый занимаясь своим делом.

Лу Це обычно не общался с этими людьми, поэтому теперь он один сидел на камне недалеко от них, держа в поводу лошадь.

Фу Чэнцы что-то говорил своему телохранителю, стоявшему рядом. Он слегка повернул голову, и резкий профиль его лица отбросил тень. Небрежным движением он сунул маленький свернутый листок бумаги в почтовый цилиндр и передал его телохранителю.

Тот принял цилиндр, затем развернулся и направился к невысокому холму неподалеку. Спустя мгновение в небо взлетел почтовый голубь.

Вскоре кто-то поднес Фу Чэнцы приготовленный горячий суп.

Лу Це достал из-за пазухи лепешку, купленную на прошлом рынке, и, держа лошадь, сидел в стороне, погруженный в свои мысли.

Внезапно его накрыла тень. К нему протянулась чаша с чистым горячим супом в изящной бледной руке.

Лу Це узнал суп — только что его поднесли Фу Чэнцы. Веки Лу Це непроизвольно дрогнули, и в нем зародилось недоумение.

Фу Чэнцы фыркнул:

— Выпей. Чтобы не скончался по дороге.

* * *

Пересекая границу Гуаньдуна, Фу Чэнцы, вопреки обыкновению, выбрал официальную дорогу. Десяток с лишним человек в его группе ехали на боевых конях с Северных земель. Он не маскировался, но и не выпячивался.

Казалось, он делал это намеренно. В сердце Лу Це закралось подозрение, но он не осмеливался спрашивать, истинно следуя принципам самообладания и соблюдения ритуалов.

Когда они, наконец, въехали в Линьчжан, крупнейший город Гуаньдуна, Фу Чэнцы, в отличие от прежней поспешности, стал двигаться весьма неспешно, даже лошадь вел расслабленно.

Приближаясь к городским воротам, они увидели, что начальник округа Гуаньдун Сун Шуюань уже давно ждал их там. Увидев Фу Чэнцы, он первым отдал поклон:

— Ваш слуга, начальник округа Гуаньдун Сун Шуюань, приветствует князя Цзянбэй.

— Отправляясь в Цзяннань, я проезжаю через Гуаньдун. Потревожил господина Суна, — вежливо сказал Фу Чэнцы.

Лу Це опешил. Снова в Цзяннань?

Сун Шуюань засунул руки в рукава и, услышав это, улыбнулся:

— Как можно говорить о беспокойстве? Его Величество также повелел мне должным образом

принять вас, Ваше Высочество.

Он слегка склонился и указал рукой вперед:

— Ваш слуга подготовил лучшие комнаты в своем доме. Надеюсь, Ваше Высочество не сочтет их недостойными.

Фу Чэнцы отказался:

— Как посмею я считать их недостойными? Просто большинство моих сопровождающих телохранителей родом из военных лагерей, грубые люди. Нехорошо будет нарушать покой в вашей усадьбе. Господин Сун, разместите нас в ближайшей гостинице.

Сун Шуюань на мгновение заколебался. Изначально он хотел исполнить долг гостеприимства хозяина, но, услышав такие слова, он тут же пошел навстречу:

— Что ж... ладно. Но сегодня вечером я устраиваю пир в своем доме. Ваше Высочество обязательно пожалуйста!

Фу Чэнцы кивнул с легкой улыбкой:

— Обязательно.

Доставив людей в самую большую гостиницу Линьчжана, Сун Шуюань попрощался и вернулся в свою усадьбу. Перед уходом он с любопытством пару раз взглянул на мужчину, который следовал за Фу Чэнцы, скрывая лицо маской.

Его подчиненные, заметив любопытство начальника, не удержались и спросили:

— Что странного, господин?

Сун Шуюань слегка приподнял подбородок, указывая на стройную, с длинными конечностями, широкими плечами и узкой талией, но несколько хрупкую фигуру, и оценил:

— Видишь этого человека?

Подчиненный посмотрел в указанном направлении и кивнул. Затем он услышал, как господин Сун сказал с явным восхищением:

— Судя по его силуэту, он худощав, но конечности у него длинные и сильные. Особенно эти прямые и мощные длинные ноги — наверняка, если их разминать и сгибать, ощущения будут непередаваемые, гибкие и разнообразные. Взгляни-ка на его талию — между животом и поясницей нет женской мягкости, но если обнять ее, это наверняка доставит особое, пьянящее удовольствие. Я только что видел, что половина его лица скрыта маской, но видимая часть шеи и подбородка длинная и белоснежная. Князь Цзянбэй привез с собой редкое сокровище!

Услышав это, подчиненный проявил сообразительность и, подобострастно приблизившись, спросил:

— Если господину нравится, может, попросить у князя Цзянбэй сегодня вечером, чтобы тот развеселился? Всего лишь мужчина. Думаю, князь Цзянбэй не откажет.

Сун Шуюань с досадой шлепнул подчиненного по затылку:

— Разве ты не видел, как крепко эта красота за ним следует? Сейчас он, должно быть, в самой гуще милости.

Выпустив пар, Сун Шуюань глубоко посмотрел на гостиницу и вздохнул:

— Что ж, такую красоту я, Сун Шуюань, признаю, не в силах насладиться.

А тем временем Лу Це, тот самый, кто был в самой гуще милости, в гостинице застилал постель для князя Цзянбэй.

Фу Чэнцы, скрестив руки на груди, непринужденно прислонился к дверному косяку. Его холодный взгляд упал на слегка согнутую поясницу — действительно очень подтянутую. Мрак в его глазах стал еще глубже:

— Прибыв в Гуаньдун, что чувствует сейчас седьмой князь?

Рука Лу Це, поправлявшая постель, замерла. Он опустил веки, скрывая бурлящую в глубине души темную волну:

— Те, кто навредил Гуаньдуну, — не я. Что я могу чувствовать?

Слова его прозвучали крайне холодно и бессердечно. Война в Гуаньдуне семь лет назад нанесла Великой Чу огромный урон, армия Гуаньдуна понесла особенно тяжелые потери. Если бы тайна происхождения Лу Це раскрылась, Гуаньдун, вероятно, стал бы местом его гибели.

Фу Чэнцы презрительно хмыкнул:

— Седьмой князь действительно широк душой. Сегодня вечером ты пойдешь со мной в усадьбу Суна.

* * *

Ночь была густой, как черная тушь, усыпанная сверкающими звездами, необычайно красивыми.

В усадьбе Суна.

В главном зале бокалы поднимались в тостах. Танцовщица в центре павильона посреди озера взмахами длинных рукавов касалась водной поверхности, разбивая зеркальную гладь на осколки. Искаженное отражение воды вместе со светом фонарей переливалось всеми цветами. Танцовщица склонилась в грациозном поклоне, капля пота скатилась со лба и скрылась в воротнике. Танец окончен, весь зал разразился аплодисментами:

— Просто восхитительно!

Фу Чэнцы лениво откинулся на спинку стула, его узкие глаза с интересом наблюдали за танцем. Тонкие губы слегка коснулись края бокала в его пальцах, он отпил глоток и поставил его обратно.

На пиру, устроенном Сун Шуюанем, присутствовали и некоторые местные известные и влиятельные лица. За столом Сун Шуюань, явно разгоряченный вином, завел беседу с Фу Чэнцы.

Сун Шуюань срыгнул. Говорил он негромко, но все присутствующие могли слышать:

— Если бы Ваше Высочество прибыли в Гуаньдун несколькими годами раньше, вы бы еще смогли увидеть здешнюю башню Тэньюнь. Увы, увы! Башня Тэньюнь после той войны в Гуаньдуне полностью пришла в упадок.

При упоминании о прошлом все не удержались и высказали пару слов, обсуждение стало оживленным.

Фу Чэнцы оставался невозмутимым, его выражение лица было бесстрастным. Лишь когда другие не смотрели, он слегка повернул голову и взглянул на Лу Це, стоявшего рядом.

Тот по-прежнему стоял прямо, опустив глаза, но нетрудно было разглядеть внутреннее состояние.

Фу Чэнцы счел это скучным и фыркнул в сторону Лу Це. Вокруг мгновенно воцарилась тишина — все опасались, что случайно сказали что-то не то и разозлили сидящего на почетном месте господина.

Еще один танец окончился. Алкоголь делал свое дело, у многих уже появилось легкое опьянение.

Взгляд Фу Чэнцы был направлен не на певиц и танцовщиц, а на Суна Шуюаня. Он сказал как бы между прочим:

— Я слышал, через несколько дней наследный принц также посетит Гуаньдун?

Сун Шуюань мгновенно протрезвел наполовину и поспешно кивнул в ответ:

— Да. Через несколько дней — годовщина смерти старого генерала. Наследный принц, движимый сыновним благочестием, желает лично приехать для поминовения.

Лу Це увидел, как на мгновение в глазах Фу Чэнцы вспыхнул огонек. Но прежде, чем эта странность успела проявиться глубже, Фу Чэнцы уже восстановил прежнее хладнокровие и самообладание.

Когда они вышли из усадьбы Суна, была уже глубокая ночь. Прежде оживленные улицы опустели, двери и окна были закрыты, царила полная тишина.

Лу Це отстал на несколько шагов, его падавшая тень была на полголовы ниже тени Фу Чэнцы. Фу Чэнцы, неизвестно откуда взявшийся интерес, внезапно протянул руку и обхватил его за талию. Ощущения от прикосновения действительно были превосходными.

Не такая мягкая, как у женщины.

В голове невольно всплыли слова Суна Шуюаня, и уголки губ сами собой слегка приподнялись.

Очевидно, сегодня утром, когда Сун Шуюань за воротами давал наставления подчиненному, Фу Чэнцы подслушал каждое слово.

Лу Це пошатнулся от толчка, его лоб ударился о твердую грудь. Сверху донесся легкий смех того человека:

— О чем задумался так глубоко?

Может, из-за странности их позы, а может, из-за того, что ровное и сильное сердцебиение Фу

Чэнцы проникало прямо в его уши... Высоко в небе висела ночная луна, все было тихо. Даже под маской его лицо окрасилось редкой долей смущения.

На обратном пути они снова шли друг за другом. Каждый шаг Лу Це словно ступал по облакам, ощущение было слегка невесомым.

Фу Чэнцы: Как страшно, жена может упасть с лошади.

[Благодарю за прочтение]

<http://bllate.org/book/15603/1392746>